

Пролог

Каждый раз все начиналось со звука шагов: мягких, шаркающих шагов по лестнице, когда кто-то в штопанных-перештопанных носках медленно, но уверенно поднимался с одной ступеньки на другую. Он был не из тех, кто носит домашние тапочки. Прислушиваясь, я мысленно представляла его себе, точнее, только его ноги, ступающие по узенькому бежевому коврику с красной окантовкой, самому дешевому, который только можно купить; посередине коврик протерся до дыр и крепился к лестнице трехгранными лакированными прутьями, прижатыми на концах латунными зажимами. Я представляла себе все это очень-очень четко, в мельчайших деталях и подробностях.

Даже в те ночи, когда шагов не было слышно, я никогда не засыпала, пока в десять часов не возвращалась с работы мама. Только тогда ко мне приходило чувство безопасности, да и то не полной. Мама никогда не могла толком меня защитить. Но даже он, похоже, понимал, что детские крики среди ночи могут привлечь чье-нибудь внимание: соседа или прохожего, например.

Они по-прежнему частенько снятся мне: именно эти шаги, а не тот ужас, который за ними следовал. Потому что во сне меня нет в комнате, когда он в нее входит. Моя кровать пуста. И все-таки я вижу его, будто я — невидимка — тихонько сижу в комнате и вижу высокую фигуру отца, его мрачное красивое лицо и темные глаза, выражение которых я никак не могла понять до конца. Что в них: восторг? Предвкушение? Я чувствовала, что под внешним слоем

есть еще что-то, таинственное и грустное, будто в глубине души отец сожалел о том, что намеревался сделать. Будто у него не было выхода. Восторг и предвкушение действовали на него как наркотик, заглушая все добрые чувства, которые он мог испытывать.

Во сне я видела, как он медленно расстегивает ременную пряжку, слышала негромкий щелчок, шуршание, с которым он вытягивал ремень из петель и перекидывал через руку, свешивая, как ядовитую змею.

Потом он наклонился вперед, чтобы схватить меня и вытащить из постели — но ведь это был сон, *и меня там не было!*

Боже, какое выражение появлялось у него на лице! Я наслаждалась. Я чувствовала себя на седьмом небе от счастья.

В этот момент я обычно просыпалась, вся в поту, с бешено колотящимся сердцем, торжествующая, но слегка испуганная.

Я сумела убежать!

Иногда, впрочем, сон продолжался, как продолжалась жизнь в те дни, когда события сна еще были явью.

Я знала, что, вернувшись из бара по обыкновению пьяным, он принимался беспорядочно шарить по всем углам, рыться в игрушках, выискивая что-нибудь, что дало бы ему повод взорваться и сорвать раздражение. О, ему нравилось находить повод! Достаточно было кляксы на скатерти, которую мама не успела застирать, или пятнышка краски, посаженного на фартук в школе, оторванной руки у куклы или неправильно сложенных игрушек. Все, что угодно, могло стать причиной этих шаркающих шагов на лестнице.

Бывали и другие ночи, самые лучшие, прекрасные, когда он засыпал в кресле — мама утверждала, что он много работал, — или когда смотрел телевизор. С годами мои воспоминания смягчились, и теперь, оглядываясь назад,

я понимаю, что чаще было именно так, гораздо чаще, чем мне тогда казалось.

Во сне меня по-прежнему не было в комнате, но теперь в кровати рядом с моей спала моя маленькая сестренка, и именно на нее наш отец выплескивал гнев. Или, может быть, отчаяние? Или восторг? Или ненависть к самому себе? Что-то такое, что заставляло его смертным боем бить жену и детей, так что грозная тень даже в его отсутствие плотно накрывала наш дом мраком.

На этот раз, проснувшись, я не испытала торжества, мной овладели отчаяние и одиночество. Неужели этот сон никогда не кончится? Неужели я никогда не сумею забыть о том кошмаре? Неужели до конца дней своих я, Милли Камерон, буду страстно желать оставаться невидимой?

МИЛЛИ

1

Солнце пробралось сквозь занавески, заливая полированный подоконник густым, как сливки, теплым светом. Пустая винная бутылка, которую Труди раскрасила и подарила мне на Рождество, заискрилась, разбрасывая по сторонам острые лучики света.

Воскресенье!

Я села в постели и потянулась. Можно делать все, что душа пожелает. Лежащий рядом со мной Джеймс что-то недовольно пробурчал и перевернулся на другой бок. Я осторожно, чтобы не разбудить его, выскользнула из-под простыней, накинула купальный халат и вошла в гостиную, тихонько прикрыв за собой дверь.

Удовлетворенно вздохнув при мысли, что все здесь принадлежит мне и только мне, я внимательно осмотрела комнату: стены темно-розового цвета, обитую мягкой белой тканью софу, старую сосновую мебель и лампы под стеклянными абажурами. Включила компьютер и телевизор, проверила автоответчик. В кухне, прежде чем набрать в чайник воды, я остановилась полюбоваться игрой солнечных лучей на разрисованной индейскими узорами плитке. Вернувшись в гостиную, я отворила дверь и вышла на балкон.

Какой замечательный день, необычно жаркий для конца сентября. Растущие по краям муниципального садика розы уже раскрылись и напоминали огромные красные и желтые шары, а сбрызнутая росой трава блестела, как мокрый

шелк. В самом дальнем уголке сада дерево-гигант уже начало сбрасывать свои крохотные почти белые листья, и они усеивали лужайку, как снежные хлопья.

Свою квартиру я любила, а балкон просто обожала. Он совсем небольшой, как раз, чтобы втиснуть два стула из кованого железа и большой цветочный горшок между ними. Я совершенно не разбиралась в цветоводстве и поэтому пришла в восторг, когда волнистые зеленые росточки, которые мне дали прошлой весной, оказались геранью. Мне нравилось сидеть на балконе ранним утром с чашкой чая в руках, вдыхая соленый воздух Ливерпуля — отсюда до реки Мерси меньше мили. Иногда в теплые вечера, прежде чем отправиться спать, я сидела в темноте, на балкон падал свет из гостиной, а я вспоминала события прошедшего дня.

В большинстве квартир моего трехэтажного дома занавески были еще задернуты. Я взглянула на часы — только что минуло семь. Краем глаза я заметила первые признаки активности в кухоньке на первом этаже. Старушка, жившая там, открывала окно. Я по-прежнему не поворачивала головы. Если она заметит, что я смотрю на нее, и помашет мне рукой, то мне придется ответить, а потом в один прекрасный день я получу приглашение на кофе, чего мне страшно не хотелось. Я считала везением, что мне досталась угловая квартира на верхнем этаже. Это означало, что я буду изолирована от других жильцов.

Чайник, отключаясь, щелкнул, и я отправилась заваривать чай. По телевизору показывали какие-то политические дебаты, поэтому я выключила его и стала прослушивать сообщения на автоответчике. Я уже было собралась выключить и его, как вдруг услышала голос своей матери. Я вспомнила, что сегодня последнее воскресенье месяца, и день внезапно показался мне не таким солнечным — предстоял обед в кругу семьи.